

А. Б. Закс

Н. Л. РУБИНШТЕЙН — ВО ГЛАВЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

(1943—1949 гг.)

(По материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям)

С осени 1941 г., после эвакуации заместителя директора по научной части ГИМ Б. Я. Закса, музей не имел научного руководителя. Все силы коллектива концентрировались на охране фондов, на массовой пропагандистской работе. Подготовка выставок на военно-исторические темы и сбор материалов по следам войны были возложены на заведующего экспозиционным отделом. С весны 1943 г. ситуация изменилась. Директор музея А. С. Карпова сообщила научному коллективу, что ее пригласили в ЦК ВКП(б) и предложили, не прекращая работы, связанной с Великой Отечественной войной, продолжить прерванную войной научную деятельность, причем основное внимание направить на реконструкцию старой экспозиции (с древнейших времен до середины XVIII в.) и на создание новых залов по второй половине XVIII в., XIX — началу XX в. Это потребовало оживления, расширения музейно-источниковедческой работы — форсирования изучения фондов, в первую очередь необходимых для экспозиции, пополнения собраний путем организации ряда историко-бытовых экспедиций, целенаправленного систематического сбора экспонатов по отраслям материальной культуры и, конечно, глубокого марксистско-ленинского понимания исторического процесса, знания истории СССР во всем ее объеме.

Для осуществления этой работы необходим был руководитель, который мог бы ее возглавить и дать ей единое направление. Встал вопрос о кандидатуре профессора Н. Л. Рубинштейна, историка, доктора наук. К 1943 г. Рубинштейн имел большой опыт научно-исследовательской и педагогической работы. Даже простой перечень его печатных трудов с 1925 по 1942 г. — свыше 30¹ — свидетельствует о широте научных интересов ученого. Выдающимся итогом его многолетних исследований явилась книга «Русская историография» (М., 1941) — первое советское учебное пособие по этой сложной проблеме. С середины 20-х годов он преподавал в высших учебных заведениях, отдавая предпочтение семинарской работе, руководству аспирантами, особое внимание уделяя изучению и критике источников. Он имел и опыт организационной работы — заведовал кафедрой истории СССР Московского областного педагогического института, был одним из авторов учебника по истории СССР, активно участвовал в энциклопедических изданиях. Словом, эрудиция и компетентность кандидата не вызвали сомнений.

Вместе с тем он интересовался музеями. Его привлекали не только письменные, но и вещественные источники. Включившись в историко-краеведческое движение, он не мог обойти вниманием музеи. Посещение музеев было неотъемлемой частью его педагогической работы². Важно было и то, что Н. Л. Рубинштейн имел давние связи с ГИМ. Он консультировал авторов экспозиции по истории Украины и Белоруссии; будучи редактором Соцэргиза, содействовал помещению в «Исторических

¹ Дмитриев С. С. К истории советской исторической науки: Историк Н. Л. Рубинштейн (1897—1963) // Учен. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. ист.-филол. Горький, 1964. Вып. 72. С. 472—474.

² Там же. С. 456.

записках» ряда статей научных сотрудников музея. К нему обращались за внешними характеристиками, необходимыми для утверждения в званиях старших научных сотрудников и т. п. У него были дружеские контакты с учеными-историками Ю. В. Готье, П. Г. Любомировым, работавшими много лет в ГИМ. А. С. Карпова знала его по совместной работе в Институте философии, литературы, истории (директором которого она была до конца 1939 г.). Таким образом, для коллектива ГИМ Рубинштейн не явился случайным пришельцем.

Н. Л. Рубинштейн начал работу в ГИМ 1 марта 1943 г. в качестве исполняющего должность директора (на время отпуска А. С. Карповой), а с 5 июля стал заместителем директора по научной части. Работа в Историческом музее открывала для него широкое поле деятельности. Именно в это время ГИМ был определен Наркомпросом как «Центральный национальный музей Советского Союза... являющийся учреждением научно-исследовательского профиля»³. Новый научный руководитель поставил цель развивать научно-исследовательскую работу, органически связывающую все отделы музея и являющуюся залогом его нормальной и плодотворной жизни. В частности, следовало безотлагательно установить и значительно расширить прерванные войной контакты с учеными. Научные исследования музея должны были войти в «большую» науку, сохранив свою специфику. В связи с этим особого внимания требовало расширение музейного издательства, которое должно было сделать научные достижения музея достоянием общественности. Все эти задачи связывались в единую систему.

Новый заместитель за короткий срок приобрел всеобщее уважение. «Производит очень приятное впечатление. Думаю, с ним интересно будет работать», — записала 10 марта 1943 г. в своем «Дневнике войны» научный сотрудник музея М. М. Денисова⁴.

Что же привлекало в Н. Л. Рубинштейне как научном руководителе? На любой вопрос по любому историческому периоду он мог дать квалифицированный, подкрепленный источником ответ. Искренне уважал чужое мнение и внимательно прислушивался к возражениям. Был подлинным демократом не только в научных спорах, но и в быту. Не признавал никаких привилегий для себя. Очень ярко это проявилось в «огородной кампании» в годы войны. От предложенных льгот отказался. Как и все, участок получил по жребию, сам его обрабатывал, хотя сердце уже тогда давало себя знать.

Выдающийся ученый-теоретик, он отнюдь не был «сухарем». Следил за новейшей литературой, неизменно посещал вернисажи, имел великолепную коллекцию гравюр и эстампов. Из искусств наиболее близка была ему музыка. Он постоянно имел абонемент в консерваторию, слушал музыку и дома — набор пластинок был у него первоклассный.

Мне пришлось ближе познакомиться с Николаем Леонидовичем в 1947 г. в Юрмале, где мы случайно оказались в одном пансионате. С ним был неразлучен его молодой друг и ученик А. М. Разгон, к которому он относился как к сыну. В небольшой компании мы не только исходили все побережье Юрмалы, но и посещали уютные латвийские городки. И всегда не только в беседах, но и в прогулках Николай Леонидович оказывался «лидером». У него все получалось ненавязчиво и естественно.

Не имея семьи и детей, он помогал многим семьям и нередко приглашал к себе детей сотрудников ГИМ вместе с родителями, старался их вкусно угостить, доставить максимум радостных развлечений.

Научная деятельность музея раскрывается в стенограммах, протоколах Ученого совета и научных конференций, хранящихся в Научно-ведомственном архиве музея (НВА ГИМ). Ее интенсивность показывает даже количество научных заседаний. Они возобновились в конце 1942 г.

³ Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. III. С. 13.

⁴ Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: Сб. воспоминаний сотрудников музея. М., 1988. С. 84.

В 1943—1944 гг. состоялось свыше 60 научных заседаний, в последующие годы — по 15—20 (сказалась занятость большинства сотрудников реэвакуацией и переучетом фондов). В тематике этих заседаний отразились все стороны научной деятельности музея⁵. О связях с научной общественностью говорит состав их участников. Среди них, кроме сотрудников музея, ученые из Института истории АН СССР, Института истории материальной культуры АН СССР, МГУ, МГИАИ, ИМЛИ, Института музейной и краеведческой работы.

Первым срочным делом Н. Л. Рубинштейна стала организация в августе 1943 г. юбилейной сессии Ученого совета в связи с 60-летием музея. Было намечено основное направление докладов — органическая связь музея с исторической наукой (включая археологию). Этой проблеме был посвящен доклад Н. Л. Рубинштейна «Русская историческая наука во второй половине XIX в. и организация Исторического музея». Главное внимание он уделил И. Е. Забелину, его роли в создании музея. Характеризуя Забелина как представителя русской исторической науки в период ее кризиса, автор подчеркивал его антидворянскую направленность, попытки преодолеть идеалистические традиции. Эти попытки практически воплощаются в обращении к вещественному материалу, к материальному памятнику, не только археологическому, но и историко-бытовому. Являясь непосредственным создателем историко-бытового направления в исторической науке, Забелин определил основные методы и пути изучения памятников материальной культуры, не потерявшие значения и до настоящего времени. «Направление исторических работ Забелина, — отметил Рубинштейн, — нашло свое выражение в деятельности его как создателя и руководителя Исторического музея. С его именем связан, по существу, переход от археологического к историческому музею. Его руководство способствовало последовательной эволюции Исторического музея в этом направлении. Завершение этой эволюции на основе подлинного исторического синтеза было возможно, однако, лишь в системе марксистской исторической науки и определяет развитие Исторического музея в советское время» (Д. 745. Л. 4).

Другие доклады на сессии раскрывали вклад музея в историческую науку. Г. А. Новицкий и С. К. Просвиркина сообщили о новой тематике научных исследований ГИМ, а именно об изучении и комплектовании фондов по истории пролетариата и крестьянства; А. Б. Закс поделилась новым для музея опытом собирания материала в годы войны «по горячим следам событий». Археологи (Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс) подвели итоги многолетнего изучения неолитических культур на севере европейской части СССР, древней истории славян. Д. П. Сухов осветил особую грань работы музея — охрана и изучение архитектурных памятников — на примере филиала музея — Покровского собора (Д. 745. Л. 1—4).

Не менее успешными были и другие организованные Рубинштейном мероприятия, связанные с юбилейными датами. В 1944 г. началась подготовка к празднованию 800-летия Москвы (Д. 761. Л. 2). Н. Л. Рубинштейн возглавил юбилейную комиссию музея. В ее задачу входила разработка конкретного плана проведения юбилея и руководство его осуществлением. Намечалось изучение отдельных объектов, связанных с историей Москвы, дальнейшее комплектование коллекций на эту тему, научные публикации на основе фондов ГИМ, издание альбома. Была подготовлена выставка по истории Москвы.

Осенью 1947 г. состоялась сессия Ученого совета музея, связанная с этой датой. М. Н. Тихомиров посвятил свой доклад «Сказанию о начале Москвы». Н. Л. Рубинштейн, продолжая начатое ранее историографическое исследование трудов И. Е. Забелина, охарактеризовал его как историка Москвы. В докладе отмечались бесспорные заслуги Забелина,

⁵ НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 744. Л. 1; Д. 767. Л. 23; Д. 744, 766, 819, 841, 853, 881 и др. Далее в тексте приводятся только номера дел и листов.

впервые попытавшегося дать определенную концепцию истории Москвы как части истории государства, выявить ее роль в становлении национального самосознания, поставить новую для того времени проблему изучения жизни и быта народа. Вместе с тем докладчик подчеркнул зависимость Забелина от состояния исторической науки, его классовую ограниченность, не позволившую разрешить поставленную проблему (Д. 854. Л. 10) ⁶.

Научные конференции в ГИМ были организованы Рубинштейном также в связи с 200-летием со дня рождения М. И. Кутузова (1945 г.), 40-летием Московского вооруженного восстания 1905 г. (1945 г.), 125-летием со дня рождения И. Е. Забелина (1945 г.), с основным докладом Н. Л. Рубинштейна. Специальное заседание Ученого совета в феврале 1944 г. посвящалось историку Ю. В. Готье (1873—1943) ⁷.

Организация научных конференций была выражением итогов каждодневной работы. Н. Л. Рубинштейн считал необходимым освещать на них результаты научной деятельности музея самого разного масштаба. Ряд докладов был посвящен работам источниковедческого характера — изучению отдельных предметов и коллекций, научно обоснованному комплектованию фондов (экспедиции и др.). Затрагивались и вопросы реставрационных работ. Обсуждались итоги изучения отдельных исторических проблем, экспозиционные плапы, научные разработки исторических карт, интерьеров, диорам и макетов, темы, связанные с учебной и пропагандистской работой (Д. 744, 766, 819, 841, 853, 882 и др.).

Развернулось и издательское дело. Под редакцией Н. Л. Рубинштейна вышли несколько выпусков «Трудов» музея, а также путеводитель ⁸.

Успехи этих разносторонних трудов базировались на высоком научном потенциале коллектива сотрудников. ГИМ был известен в научном мире. Его археологический отдел, возглавляемый А. Я. Брюсовым, А. П. Смирновым, Б. А. Рыбаковым, имевший в своем составе А. В. Арциховского, С. В. Киселева, Е. И. Крупнова, М. Е. Фосс и других молодых талантливых ученых, пользовался авторитетом среди археологов. Интенсивно развивалась экспедиционная работа, изучались отдельные археологические объекты, готовились крупные монографии (кандидатские и докторские диссертации). Н. Л. Рубинштейн принимал активное участие в планировании работ, во всех научных конференциях археологов (председательствовал обычно А. П. Смирнов), однако основное внимание его было направлено на другие отделы музея.

В ГИМ работали крупные знатоки разных отраслей материальной культуры (их до сих пор называют в музее «великими стариками»). Для последних предвоенных лет характерно большое количество исследований конкретного музейного материала. Придя в ГИМ, Н. Л. Рубинштейн поставил цель согласовать тематику, основанную на «склопностях и знаниях» научных сотрудников, с «общим направлением работы музея» (Д. 820. Л. 35). В итоге уже в 1947 г. под руководством Н. Л. Рубинштейна был подготовлен указанный выше сборник по истории материальной культуры и начата работа над серией небольших книжек — альбомов, посвященных отдельным ее отраслям или памятникам.

Именно в эти годы в значительной мере на базе фондов ГИМ и была заложена основа научных определителей по разным отраслям материальной культуры. Для популяризации в целом малоизвестных и недооцениваемых фондов ГИМ Н. Л. Рубинштейн считал необходимым создание систематических экспозиций по всем отраслям материальной культуры.

⁶ К протоколу приложены тезисы доклада.

⁷ *Рубинштейн Н. Л.* Научные конференции в Государственном Историческом музее // ВИ. 1946. № 7; *Он же.* Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность (1820—1908) / Предисл. С. С. Дмитриева // История СССР. 1965. № 1.

⁸ Статьи по истории материальной культуры XVIII—XIX вв. / Под ред. Н. Р. Левинсона; науч. рук. Н. Л. Рубинштейн // ТГИМ. 1947. Вып. 18; Военно-исторический сборник // ТГИМ. 1948. Вып. 20; Археологический сборник // ТГИМ. 1948. Вып. 17; Государственный Исторический музей: Путеводитель по залам музея. М., 1947.

Однако отсутствие помещений мешало реализации этих планов (лишь сейчас начато создание подобных экспозиций в новых филиалах ГИМ). Все же некоторые шаги в этом направлении были сделаны. В 1947 г. началось переоборудование фондовых помещений с целью создания так называемого «открытого хранения фондов», которые могли посещать не только специальные, но и обычные группы экскурсантов.

В богатейших фондах музея имелись существенные пробелы. Например, материалы, относящиеся ко второй половине XIX — началу XX в., были фрагментарны, почти не отражали истории пролетариата и крестьянства, да и многие другие элементы исторического процесса. Для составления планов комплектования фондов была создана комиссия под руководством Н. Л. Рубинштейна. Наметились два направления, две формы этой работы. Во-первых, научные командировки для систематического сбора недостающих звеньев в коллекциях памятников материальной культуры (в 1946—1950 гг. — в центры изготовления оружия, керамики, металла и др.). Во-вторых, тематические историко-бытовые экспедиции по истории пролетариата и крестьянства XIX — начала XX в., в первую очередь в старые промышленные районы развития текстильной промышленности (Иваново, Ярославль), в центры металлургической промышленности (Урал); по истории народов СССР (Закавказье, Средняя Азия). Начатая под руководством Рубинштейна, эта работа получила развитие в 50—60-е годы. В процессе собирания памятников проводилось их описание и изучение (Д. 820. Л. 139—140)⁹. Если прибавить к этому организацию полного переучета фондов после реэвакуации, можно сказать, что основные направления научно-фондовой работы развивались успешно.

В экспозиционных исторических отделах (XVI—XVIII вв., XIX в.) трудились квалифицированные историки. Большинство сотрудников вели исследовательскую работу по отдельным историческим проблемам, но основной задачей было создание новой, постоянной экспозиции по истории СССР. В этом деле Н. Л. Рубинштейн проявил себя как идеальный научный руководитель¹⁰. Будучи по широте и уровню исторических знаний значительно выше специалистов-экспозиционеров, он никогда не показывал своего превосходства, беседовал, так сказать, на равных. Очень внимательно и тактично относился ко всем экспозиционным идеям, не навязывал своего мнения, оставляя за авторами право на эксперимент, даже идущий путем «проб и ошибок». Незыблемой была только одна «установка» — отражать историю через подлинные исторические источники. В те годы я никак не могла отойти от дидактичности, в частности от значительного оснащения экспозиции ведущими текстами. Николай Леонидович стоял за чистоту «музейности», за исключительное право музейного предмета находиться в экспозиции. Помню, как, закончив спор, он снимает какие-то особо выпуклые очки, смотрит своими добрыми очень близзрुकими глазами и говорит примирительно: «Ну, не будем сейчас решать. Подумайте, решите сами». Если же я сразу сдавала свои позиции, удивленно поднимал брови и произносил: «Где же Ваши возражения?» Умея буквально молниеносно определить ценность и дефекты данной ему на просмотр рукописи, в том числе и экспозиционного плана, он с необычайной скрупулезностью читал и редактировал каждую этикетку, поскольку именно она должна была помочь посетителю понять экспозицию. Словом, работать с ним было интересно и приятно. Не была забыта и пропагандистская сторона работы. «За образцовую постановку культурно-просветительной работы» директору С. А. Карповой и Н. Л. Рубинштейну 30 апреля 1945 г. была вынесена благодарность¹¹.

Несмотря на высокий профессиональный уровень сотрудников, Н. Л. Рубинштейна беспокоил вопрос о кадрах. Он привлек новых, мо-

⁹ Ряд запланированных экспедиций был проведен в 1949 г. См.: Историко-бытовые экспедиции, 1949—1950 // ТГИМ. 1953. Вып. XXIII.

¹⁰ Могу судить об этом по собственным воспоминаниям.

¹¹ Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. С. 14.

лодых историков. Нужно было подготовить смену старым специалистам, особенно в области материальной культуры, знание которой необходимо не только хранителям, но и экспозиционерам и пропагандистам. Вопрос о кадрах остро стоял и в других музеях исторического профиля.

По инициативе Рубинштейна в ГИМ в 1946 г. была воссоздана аспирантура¹². Разработанный им план для аспирантов (Д. 820. Л. 26–31) в некоторой мере может быть поучительным и при современной подготовке музейщиков. Аспирантура ГИМ имела три отделения: истории СССР — для экспозиционеров; истории материальной культуры — для фондовиков-хранителей; археологии, в котором совмещались обе музейные специальности. Кроме обязательных для любой аспирантуры общеполитических и других предметов, каждый аспирант изучал подробный курс истории СССР, истории материальной культуры. Далее шла специализация в зависимости от отдела и диссертационной темы. Опуская подробности, укажем, что в план включалось в обязательном порядке участие в практической работе музея (экспозиция, экспедиция, научное описание предмета или коллекции, проведение экскурсий). Первыми аспирантами стали молодые сотрудники ГИМ.

Отмеченные в литературе недостатки аспирантуры¹³ связаны с объективными условиями ее работы. Музейоведение как наука только формировалось: ни история, ни теория музейного дела не были разработаны. Не было пособий по истории и изучению материальной культуры. ВАК не имел специальности «музейоведение», что влияло на характер диссертационных тем. И все же аспирантура ГИМ дала положительные результаты. Многие аспиранты, особенно первых выпусков, успешно защитили диссертации и стали в дальнейшем ведущими сотрудниками музея или других родственных учреждений. Не менее активно Н. Л. Рубинштейн содействовал подготовке и защите диссертаций «старыми» сотрудниками ГИМ (консультации, предоставления академических дней и отпусков).

Как указывалось, из всей разносторонней деятельности музея наибольшего внимания требовала экспозиционная работа, осуществлявшая связь его с широкими слоями общества. Экспозиция должна была учить и воспитывать. Здесь не было проторенных путей.

Созданные под общим руководством Н. Л. Рубинштейна экспозиции ГИМ привлекали внимание научной общественности и находились под строгим наблюдением Управления музеями¹⁴. Протоколы и стенограммы обсуждений экспозиций, до сих пор почти не затронутые исследователями, особенно интересны для поставленной нами темы, так как отражают музейно-научные взгляды Н. Л. Рубинштейна, получившие полную поддержку ученых-историков, а также общественно-политическую ситуацию конца 40-х годов, приведшую к его уходу из музея.

Уже в 1945 г. были полностью реэкспонированы залы XVI — начала XVII в. Эта экспозиция, созданием которой фактически руководил Н. Л. Рубинштейн, резко отличалась от прежней, открытой в 1937 г. и имевшей в значительной мере учебно-иллюстративный характер. Новая экспозиция была построена на подлинниках, причем в соответствии с характером фондов значительно преобладали письменные источники. Именно в них раскрывался сложный и неоднозначный характер политики Ивана Грозного и последующие бурные события так называемого Смутного времени.

Новая экспозиция привлекла внимание ведущих историков, большинство которых было членами Ученого совета ГИМ. Выступавшие на заседании 2 января 1945 г. ученые единодушно одобрили экспозицию, сочли ее крупным шагом вперед в работе музея (Д. 793. Л. 1), сделали лишь отдельные замечания. Положительно оценил ее и заместитель на-

¹² Аспирантура при ГИМ была организована в 1932 г., но существовала недолго.

¹³ Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. С. 31, 32.

¹⁴ До ноября 1945 г. — Музейный отдел Наркомпроса, затем — Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР.

чальника Управления музеями Г. Н. Серебренников. Спор шел лишь о большем или меньшем количестве текстов и вспомогательных материалов, о более тщательном отборе трудновоспринимаемых письменных источников, что сделало бы экспозицию более доступной для массового зрителя. Резким диссонансом прозвучало выступление начальника Управления музеями А. Д. Маневского. «В экспозиции,— сказал он,— большое количество подлинных вещей. Но это — пройденный этап... Если нет подлинных материалов, надо их создать. Если нет хорошего портрета Грозного, надо его создать. Можно использовать существующие поздние изображения (например, Иван Грозный Соколова-Скаля). Наши посетители не могут сами разобратся в экспозиции... Мы не можем допустить, чтобы студент или школьник, выйдя из ГИМа, не сказали бы, что... Иван Грозный был славным деятелем русской истории. Нельзя ограничивать работу музея узкой задачей показа своего материала. Я считаю, что от показа экспозиции посетителю следует пока воздержаться. Сегодня вечером я буду у Наркома и поставлю вопрос о запрещении экспозиции по Ивану Грозному» (Д. 793. Л. 2).

Мне пришлось быть на этом заседании. Выступление Маневского произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Все как-бы остолбенели. Воцарилось тягостное молчание. Первым взял слово С. В. Бахрушин. «Неясной становится задача сегодняшнего заседания,— сказал он.— Если вопрос решает одно лицо, то к чему все прочие высказывания? Я не люблю говорить для себя. Большой ошибкой было бы создать трафарет для всех музеев... ГИМ должен поднять посетителя до уровня научной трактовки вопросов, а не идти по пути упрощения методов просветительской работы. То, о чем говорил здесь представитель Наркомпроса,— это давно пройденный этап. Возврат к нему был бы попыткой воскресить давно отброшенную социологическую методологию Покровского... не нужно бояться подлинников в экспозиции, надо уметь заставить говорить этот материал. Я убежден, что эта экспозиция вызовет одобрение в кругах широкой научной общественности». Затем выступил М. Н. Тихомиров: «Перед Государственным историческим музеем стоит задача — вести просветительскую работу путем показа хранящихся в музее памятников русской культуры. Музей посещают не только школьники, не только учащиеся. В музее бывают и иностранцы, и они должны знать, какую великую культуру создал наш народ и как мы умеем беречь эту культуру. Не на картах и схемах, а на подлинных вещах должна быть представлена в Музее история нашей Родины. Введение ряда дополнительных материалов может быть с успехом применено в специальных школьных музеях (Москва имеет право на такой музей), но не в музее такого большого научного значения, как ГИМ. При построении нашей экспозиции надо базироваться на законном чувстве большого интереса наших посетителей к подлинным вещам. С этой точки зрения экспозиция XVI в. своевременна и значительна. Ее отдельные недочеты могут быть восполнены и исправлены. Можно подумать о том, чтобы добавить материал по опричнине и ввести его в экспозицию вторым планом (в вертушке). Можно еще дополнить материал по публицистике. Всякая экспозиция может и должна дополняться и улучшаться, но в основном представленная экспозиция — большое достижение, и это мнение встретит поддержку всей научной общественности. Снять эту экспозицию — значит сделать большой шаг назад» (Д. 793. Л. 2). Примерно того же содержания были выступления Г. Л. Малицкого, Е. И. Дракохруст, Н. М. Узуновой.

Заключительное слово было предоставлено Н. Л. Рубинштейну. Он указал, что основной вопрос — это определение принципов и методов экспозиционной работы музея: «В ГИМе — центральном национальном хранилище памятников русской культуры — основная задача — показать прошлое в его памятниках, через подлинный материал, а не превращать музей в плохое повторение школьного учебника. Мы должны воспитывать нашего посетителя, и прежде всего воспитывать в нем любовь к Родине и уважение к ее прошлому. Но этого мы можем достигнуть толь-

ко одним путем — показать значение и высоту созданной нашим народом в разные периоды его жизни культуры, научить понимать и любить памятники этой культуры. Подсовывая ему вместо этого Васнецова и Соколова-Скала, смешивая подлинный памятник и всякую бумажную продукцию нашего творчества, мы стираем у посетителя чувство уважения к историческому памятнику. Наш посетитель в своей основной массе значительно культурнее и требовательнее, чем это здесь изобразили. А в тех, кто этого еще не осознал, мы должны воспитать это чувство. Здесь говорили, что мало выявлено значение государственной деятельности Ивана IV. Можно обсуждать ряд конкретных предложений. Но я хочу сказать прежде всего, что самый показ высокой культуры, созданной во времена Ивана Грозного, уже говорит о значении достижений этой знаменательной эпохи в жизни нашей страны... Я убежден, что то, о чем говорил представитель Музейного отдела, действительно пройденный этап в музейном деле» (Там же. Л. 2). Далее Н. Л. Рубинштейн привел конкретные примеры удачных и неудачных экспозиционных решений и сообщил, что работа над залом продолжается, проверяется восприятие его посетителями и что в процессе дальнейшей работы будет учтен ряд высказанных замечаний.

Можно предположить, что нарком В. П. Потемкин, ознакомившись с протоколом, не согласился с Маневским, так как после очень незначительных поправок (некоторое сокращение письменных документов, расширение этикетажа) экспозиция была разрешена к открытию.

Работа над экспозициями продолжалась. К 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова (1945) была открыта юбилейная выставка вместе с залом, посвященным социально-экономическому развитию России первой половины XIX в.; в 1946 г. — залы второй четверти XIX в. В конце 1946 г. эта экспозиция обсуждалась на Ученом совете (Д. 820. Л. 82—85). В целом она высоко оценена и признана шагом вперед в музейном деле. Однако были сделаны существенные замечания. В заключительном слове Н. Л. Рубинштейн согласился с необходимостью ряда поправок. В целом он считал экспозицию соответствующей требованиям исторической науки.

Чтобы понять дальнейшую судьбу этих залов, ответственность за которые как заместитель директора по научной части нес Н. Л. Рубинштейн, следует вспомнить, что конец 40-х годов, последние годы «сталинской эпохи» были особенно омрачены так называемой борьбой с космополитизмом. Эта полоса в истории СССР пока еще не получила должного освещения в исторической литературе. Мы коснемся лишь конкретного ее проявления, связанного с делами Исторического музея, с судьбой его научного руководителя.

В эти годы Н. Л. Рубинштейн был признан одним из ведущих исследователей истории России. Столь строгий ценитель, как Н. М. Дружинин, считал его выдающимся историком-теоретиком. Как отмечено, в 1941 г. вышел подготовленный им первый в СССР учебник «Русская историография». В 1947 г. по предложению директора Государственного института «Советская энциклопедия» Ф. Н. Петрова он принял активное участие в подготовке юбилейного (к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции) тома БСЭ, посвященного истории СССР. Им был написан очерк по истории России с древнейших времен до конца XVIII в. и др. Он обучал историю России студентов и аспирантов в МГУ. Наконец, руководил научной работой центрального национального Исторического музея.

Воспользовавшись вполне уместным и необходимым обсуждением его труда «Русская историография»¹⁵, «борцы с космополитизмом» сделали все, чтобы превратить научные дискуссии в «проработку» с наклеиванием ярлыков «безродного космополита», «буржуазного объективиста» и т. п. Его обвиняли в недооценках одного, переоценках другого, в мнимых

¹⁵ *Вотинов А.* Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» // *ВИ.* 1948. № 6.

злостных ошибках и извращениях. В тягостной обстановке последних лет культа личности не замедлили и оргвыводы¹⁶.

Эта кампания не могла не отразиться на работе ГИМ. В 1948 г. была создана комиссия по обследованию его новых экспозиций (залы XIX в.). Один из ее членов сказал мне удивленно и доверительно: «Мы получили указание „разгромить“ экспозицию, но, конечно, мы будем объективны». Рубинштейн и авторы экспозиции вполне самокритично сами назвали имеющиеся недостатки и рассказали о планах дальнейших работ. На основании этих бесед и выводов комиссии 31 декабря 1948 г. был издан приказ Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР (Д. 905. Л. 40)¹⁷. В нем отмечались положительные стороны новой экспозиции (тщательное изучение эпохи, широкое использование подлинников, выразительность художественного оформления и др.), но основное внимание уделялось недостаткам, а именно: в экспозиции нет политической заостренности, она страдает объективизмом, излишним академизмом. В ряде разделов не отражены новейшие достижения исторической науки. Нет показа истории народов СССР. Недостаточно выявлена история трудящихся масс, главное внимание сосредоточено на показе господствующих классов и сановной бюрократии. Не отражена история второй половины XIX — начала XX в. Далее указывалось, что недостатки в значительной мере вызваны научной специализацией сотрудников, слабой работой по собиранию фондов, связанной с историей СССР последнего столетия.

11 февраля 1949 г. состоялось заседание Ученого совета музея с докладом Н. Л. Рубинштейна «О развертывании экспозиционной работы ГИМа». В докладе и заключительном слове ученый, отнюдь не отрицая недостатков экспозиции, твердо отстаивал свою принципиальную позицию: Исторический музей — одно из крупнейших научно-исследовательских учреждений. «Надо усилить научно-исследовательскую работу, — сказал он. — Наша передовая марксистско-ленинская теория требует правильного понимания исторического процесса» (Д. 905. Л. 31). Далее он отметил, что музей призван не только развивать теорию, хранить и собирать исторические памятники, но и правильно и доходчиво показывать их для приобщения народных масс к пониманию исторического процесса, для коммунистического воспитания. Он указал на те трудности, преодолеть которые пока еще не удалось. Осталась неполнота показа истории дореволюционной России — экспозиция завершается первой половиной XIX в. Фонды музея по второй половине XIX в. не могут обеспечить экспозицию. Впечатление об отсутствии политической заостренности в значительной мере зависит от разпой степени выразительности материалов, отражающих разные стороны исторического процесса (например, отражение в экспозиции классовой борьбы). В некоторых случаях хорошие идеи не реализуются из-за отсутствия места (например, помещение курной избы). Наиболее сложен и пока не решен вопрос о показе истории народов СССР. В экспозиции сделана попытка дать этот материал в связи с общей историей России. Пути наибольшей действительности экспозиции следует искать отнюдь не в создании новых изобразительных материалов или макетов, а в правильном отборе, «соотношении и сопоставлении» выставляемых материалов (Д. 905. Л. 32). При этом форма экспозиции должна быть подчинена ее содержанию.

Выступавшие члены комиссии, по существу, повторили основные положения приказа. Очень резкую речь произнес сотрудник Музея революции СССР В. Н. Шульгин. Он сказал, что в ГИМ царит вещизм, плохо показано революционное движение, мало текстов, показаны вещи, не способствующие пониманию исторического процесса (например, диван «говорильня» из дома 40-х годов). В целом Шульгин выступил против принципиальной позиции докладчика. В частности, он требовал перерас-

¹⁶ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 468.

¹⁷ Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. С. 33–35.

предела фондов ГИМ и Музея революции СССР. Общее возмущение вызвало выступление директора Бородинского музея С. И. Кожухова, который, критикуя зал Отечественной войны 1812 г., обвинил музей в антипатриотичности, недооценке полководческого искусства Кутузова (нет макетов, отражающих его деятельность, надо дать картины советских художников на темы войны 1812 г. и т. д.). Все же в целом ожидаемого разгрома не произошло, была деловая дискуссия. Музей приступил к частичной реэкспозиции.

Еще в середине 1948 г. после указанного обсуждения «Русской историографии» директору ГИМ А. С. Карповой было предложено дать характеристику Рубинштейну как научному руководителю музея. Нужно отдать должное гражданскому мужеству старой большевички Карповой, которая, понимая, что от нее требовалось, тем не менее подчеркнула заслуги своего заместителя. В характеристике указывалось, что у Н. Л. Рубинштейна свыше 50 научных трудов, в том числе первое советское исследование по русской историографии, утвержденное Министерством высшего образования в качестве учебного пособия, а также ряд крупных исторических исследований. Десять лет руководит он университетской аспирантурой. Его ученики работают на кафедрах вузов. За пять лет работы в ГИМ он руководил перестройкой экспозиции (11 залов и ряд выставок). Руководил научным коллективом (свыше 100 человек). За последние пять лет защищено свыше 20 кандидатских диссертаций. С 1946 г. при ГИМ восстановлена аспирантура. С 1947 г. возобновлен выпуск «Трудов» ГИМ, редактором которых он является (Д. 64. Л. 74).

Однако судьба ученого-коммуниста была уже предрешена. В марте 1949 г. он был уволен из МГУ. Понимая, что, оставаясь на работе в ГИМ, он может поставить в сложное положение А. С. Карпову, Н. Л. Рубинштейн подал заявление об уходе. 19 марта 1949 г. приказом Комитета по делам культурно-просветительных учреждений он был освобожден от занимаемой должности согласно собственному заявлению (Там же. Л. 75). Научный коллектив ГИМ лишился высоко ценного руководителя.

После некоторого перерыва Н. Л. Рубинштейн возобновил педагогическую деятельность (в Московском библиотечном институте) и продолжал исследовательскую работу в области исторической науки и историографии, хотя и не в прежнем масштабе (по состоянию здоровья)¹⁸. По-прежнему интересуясь музееведческими проблемами, Н. Л. Рубинштейн дал «путевку в жизнь» циклу работ по истории музейного дела, своего рода музейной историографии¹⁹. Не прерывались его связи с Историческим музеем. Многие члены научного коллектива продолжали обращаться к нему за консультациями, сохранили дружеские отношения до конца его жизни.

¹⁸ Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 458, 468.

¹⁹ Рубинштейн Н. Л. Ценное начинание: [Рецензия] // История СССР. 1961. № 4.— Рец. на кн.: Труды Научно-исследовательского института музееведения. История музейного дела в СССР. М., 1957. Вып. 1.